

УДК 82

ШВЕДСКАЯ САТИРА XXI ВЕКА: ТЕМЫ, ПОЭТИКА, МОРАЛЬ

© 2015 г.

Д.В. Кобленкова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

dvmk@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.02.2015

Рассматриваются новые тенденции в шведской сатире, переходящей в визуальные жанры комических серий и литературы *pop-fiction*, которые являются частью современных медиа. Анализируются темы, подвергаемые критическому осмыслению в XXI столетии, среди которых: неофашизм, мультикультурализм, борьба политических партий, радикальный феминизм, сексуальные меньшинства, воспитание детей, культурная и политическая американизация. В ходе культурно-исторического и сравнительно-типологического анализа показывается изменение этических и поэтологических принципов создания сатирических произведений. Делается вывод, что современная шведская сатира кардинально изменилась по сравнению с предшествующим этапом, приняла радикальный характер, расширила тематическую сферу до политических и остросоциальных вопросов, выйдя за пределы изображения обывательских стереотипов сознания. Серия комиксов Лив Стрёмквист и сатирический путеводитель по шведской истории, культуре и спорту Калле Линд доказывают факт изменения сатирического дискурса от либерального к леворадикальному, что свидетельствует о наличии серьёзных внутригосударственных проблем и новом этапе саморефлексии в шведском обществе XXI века.

Ключевые слова: шведская литература, сатира, *pop-fiction*, комические серии, этический канон, Лив Стрёмквист, Калле Линд.

Одним из показательных вопросов в истории шведской литературы является особое положение сатиры, которая принадлежит к явлениям «тенденциозной литературы» и по целому ряду причин обществом не принимается. Может показаться парадоксальным, но при всей значимости проблемы о сатире в Швеции существует лишь одна методическая брошюра, написанная Анн-Софие Экелунд в 1994 году [1]. Отметим, что *комическое* также не является в Швеции предметом пристального изучения, так как всё, что связано с осмеянием, не является приоритетом шведского искусства [2]; кроме того, шведское литературоведение редко проявляет интерес к поэтике произведений, ставя превыше всего их этическое звучание и социальную роль.

Негативное отношение в Швеции к сатирическому принципу изображения отражает черты национального литературного процесса в широком культурном контексте. В интервью со шведскими писателями (Ю. Теорином, М. Унге, Э. Аскестадам, Д. Теландером, Л. Андерссоном) и литературоведами (М. Юнггреном, Л. Тоштенсен) о причинах маргинального положения сатиры в стране мы получили подтверждение, что сатирическое снижение действительно не присуще шведской литературе. В общей сложности было названо несколько причин: 1) шведам нечего изображать с её помо-

щью; 2) что они проявляют очень большое уважение к государственным структурам, чтобы подвергать их осмеянию, 3) что для сатирического изображения нужно видеть проблему в исторической перспективе, а шведские писатели этой исторической перспективы лишены, они замкнуты на самих себе и мало проявляют интереса к внешним факторам жизни. В последнем случае, по убеждению Э. Аскестада, проявляется не сила, а слабость современного литературного потока в Швеции. И хотя сатирические произведения в Швеции существуют, они являются исключением из общего правила.

Исследование этой проблемы показало, что одним из самых спорных моментов в теории сатиры является вопрос о морали: где её граница? Должен ли сатирик нарушать табу или он должен критиковать институты церкви, но оставаться при этом верующим и не затрагивать вопросы веры? Должен ли он быть всегда «левее» основного политического потока или шагать с ним в ногу? Диалог с писателями и критиками показал, что авторам позволено критиковать отрицательные стороны объекта, не уничтожая при этом сам объект. Иными словами, в шведской литературе тоже существует определённый канон, но не столько социально-политического, сколько этического порядка.

Нет единства и по вопросу техники сатирического повествования. Одни считают, что са-

тира должна быть «элегантной и юмористической», другие – что ей необходимо быть «жестойкой и грубой» [1, с. 29].

Возникает вопрос: что происходит с сатирой в XXI веке?

Как и прежде, во многих случаях можно заметить сглаживание сатирического пафоса произведения и изменение характеристики текста с «сатирического» на «юмористический». Этот принцип наблюдается не только при оформлении рекламной обложки книги, но используется и в организации пространства в современных книжных магазинах. Полки с юмористической литературой существуют, а с сатирической – нет. Однако выясняется, что некоторые качественные изменения в ней всё же происходят. Например, сатира перемещается в *визуальные* виды искусства. Она, хотя и в редуцированной форме, даёт о себе знать в телевизионных программах, о чём написана замечательная книга с любопытным заглавием: «Юмор как общественная мораль. Шведы и иммигранты на арене шведского телевизионного юмора» [3]. Заметна она в кинематографе – например, фильмы Бу Андерссона «Песни со второго этажа» (*Sånger från andra våningen*, 2000), «Ты, живущий» (*Du levande*, 2007) или фильм, победитель Венецианского кинофестиваля, «Голубь сидел на ветке, размышляя о жизни» (*En duva satt på en gren och funderade på tillvaron*, 2014).

Как известно, политические и религиозные конфликты в XX веке не являлись в Швеции первостепенными, но на протяжении последних лет они стали обостряться. Это произошло из-за кризиса идеологии «шведской модели», ожесточения межпартийной борьбы в новых геополитических условиях и в связи с самой острой на сегодня проблемой европейских стран – последствиями мультикультурализма. По вопросу миграционной политики известный шведский социолог К.-У. Арнтсберг высказался следующим образом: мысль о том, что «мультикультурализм означает большие проблемы в обществе и представляет угрозу для общественной солидарности, без чего не может функционировать само общество, является более обоснованной гипотезой, чем представление о том, что мультикультурализм приводит к интеграции общества» [4, с. 191]. В итоге шведская сатира достаточно резко пересекла традиционные границы и из умеренной превратилась в радикальную.

Одним из прецедентов XXI века стала книга комиксов ведущей шведского радио Лив Стрёмквист (Liv Strömquist, р. 1978). В книге «Jag till liv!» (2011), название которой можно перевести как «Я есть!» [5], впервые нашли от-

ражение очень многие (даже слишком многие) «проблемные» вопросы и общественные стереотипы современной Швеции. Среди них: положение арабов-иммигрантов, неофашизм, гомосексуальные отношения, политика партии христианских демократов, финансовое положение лидера партии модератов, интермедиальная американизация, мужчины-домохозяйки, агрессивный феминизм, занятость родителей карьерой и личными проблемами, «засилье» нянь, не несущих ответственности за воспитание чужих детей, отсутствие табу в отношениях взрослых и детей, прививаемая малолетним мысль о наличии у них «сексуальной идентичности» и необходимость определяться с ней как можно быстрее.

Одной из самых радикальных является тема современного неофашизма, причём гендерно окрашенного: комикс, озаглавленный как «Вечеринка в Третьем Рейхе», изображает трёх женщин, одна из которых названа Евой Браун и представлена в узнаваемом облике Юлии Тимошенко, что весьма неожиданно, учитывая поддержку шведской общественностью украинской самостийности. Л. Стрёмквист явно оппозиционирует себя мейнстриму и акцентирует близость националистических и профашистских идей, очевидно, усматривая в этом попытки украинского реваншизма. Вторая тема, представленная ещё более эпатажно, связана с положением арабских иммигрантов. Две страницы отведены автором на натуралистическое изображение мусульманок, у которых покрыта чадрой только голова, всё остальное обнажено. Откровенная телесность арабских иммигранток уравнивает их с женщинами других вероисповеданий, лишает сакральности. Более того, акцентирование низовой сферы подводит к мысли, что они воспринимаются в интеллектуализированной Европе только в качестве физиологического материала. Если иметь в виду, насколько толерантной позиционирует себя Швеция в вопросе миграционной политики, то перевод мусульманской этики в низовую эстетику выглядит беспрецедентным и политически, и этически.

Но книга комиксов – это нехудожественная литература, она является частью медиапродукции. Следовательно, современная сатира перемещается в окололитературные жанры, сопровождается визуальным рядом, нередко шокирующим. Характерно, что жюри самой престижной шведской литературной премии имени Августа Стриндберга весьма по-шведски отреагировало на выпад Л. Стрёмквист: книга получила наивысшую литературную награду страны – Августовскую премию. Правда, комментарии

были даны весьма сдержанные: презентовавшая книгу Л. Тоштенсен, являвшаяся членом жюри, кратко прокомментировала содержание комиксов: «Это то, над чем смеёмся мы сами» и больше к этой теме не возвращалась [6]. В свою очередь И. Линдберг в статье о комиксах Л. Стрёмквист привела мнение Х. Магнуссон о том, что сатирические серии наконец «стали взрослыми» [7]. Характерно, что позволило им так измениться исключительно творчество феминисток. Следовательно, наиболее революционные работы в современной Швеции принадлежат женщинам.

Современная сатира переходит и в современные варианты литературы non-fiction. Так, своя литературная судьба ждёт только что вышедшую книгу «Швеция для идиотов» (*Sverige för idioter*, 2014) [8] – сатирико-юмористический путеводитель по шведской истории, культуре и спорту, точнее, по основным негативным мифам о Швеции. Её автором стал Калле Линд (*Kalle Lind*, 1975), актёр, радиоведущий, писатель, блоггер, который мог бы быть назван эстрадным «комедиантом», как иногда определяют род деятельности известного писателя и телеведущего Юнаса Гарделля.

Авторский «путеводитель» К. Линда сопровождается полуобнажёнными изображениями самого автора, очевидно, как доказательство торжествующей в Швеции свободы и права человека на личную идентичность. Заметим, что понятие идентичности (*identitet*) встречается в шведских работах последних лет с не поддающейся исчислению частотой. На цветных вклейках автор использует изображение своего тела как элемент коллажа, создавая постмодернистский микс из разных атрибутов шведской культуры: гусь Мортен, отсылающий к Лагерлёф, парик и сутана Христа, показывающие снижение роли религии в обществе, нижние бельё – символ современного гламура, неизменный спутник шведа – велосипед и т.д. Во всём этом можно усмотреть мысль о том, что человек, конечно, нагим приходит в этот мир, а всё, что его окружает, – это «культтовары» [9], которые мы потребляем, не задумываясь над их значением. Весь наш мир состоит из множества деталей, которые легко заменяются или подменяются другими. Вся жизнь в итоге – это сборно-разборный механизм, т.е. только иллюзия целостности. Такими вставными иллюстрациями предваряются краткие очерки по темам «История», «Литература», «Музыка», «Религия», «Шведская история греха», «Еда», «Праздники» и прочее. Здесь своё место заняли главы о викингах, Густаве Адольфе, Нобеле, Астрид Линдгрэн, Златане Ибрагимовиче, о

политике нейтралитета, расовой биологии, «сенсационном» кино 60-х, о регламентированности шведской жизни, о коллективизме, индивидуализме, о провинциях Даларна, Сконе и Верmland, современных медиа и многом другом.

В главах используется принцип избирания курьёзного события, которое больше всего запомнилось или имеет место, но об этом мало кто знает. Сатирический ракурс проявляется либо в критическом акцентировании события, либо в оценке отношения общества к этому факту шведской истории. Соответственно за текстами «путеводителя» стоят, конечно, иные смыслы. Например, глава об Астрид Линдгрэн из раздела «Литература» начинается словами, что все знают, кто такая Астрид Линдгрэн, поэтому все негодуют, что именно она и не получила Нобелевскую премию. Т.е. что сама Швеция и есть та страна, которая эту премию ей не дала, находя отговорки, что премия не полагается авторам детской литературы (хотя в завещании Нобеля, как известно, ничего об этом не сказано). В главе о С. Лагерлёф сообщается, что вообще-то Лагерлёф знаменита двумя вещами: Нобелевской премией, которую она как раз получила, и тем, что дружила с животными (хотя речь, видимо, должна идти о гусях). А вообще, сообщает автор, недавно произошёл забавный случай, когда одна из знаменитых телеведущих на всю страну призналась, что никогда не читала ни одного её произведения, т.е. выяснилось, что все выдают автора за национальное достояние, однако никто толком не знает, что же она написала.

Глава о Златане Ибрагимовиче – футбольном кумире шведских мужчин и женщин из раздела «Спорт» – посвящена тому, что Ибрагимович владеет домиком в Швеции за 30 миллионов крон, *в котором никогда не живёт* [8, с. 187]. Подтекст этой главы заключается в том, что самый презентабельный особнячок в Мальмё не сопоставим с другими домами Ибрагимовича за границей, поскольку стандарты шведского жилищного строительства смехотворны по сравнению с современными запросами мировых звёзд. Кроме того, символ шведского футбола не только этнически не швед, но уже мало чем связан, кроме гражданства, со страной, которая эксплуатирует его образ как свой единственный футбольный бренд.

В главе о Карле Линнее, символе шведской науки, речь идёт о том, что наиболее запоминающимся из линнеевской «Системы природы» является цветок, которому он дал медицинское название из сферы женских гениталий. И поскольку *его научные тексты более чем часто*

доходят до чистой порнографии [8, s. 69], более целомудренные исследователи пытаются осторожно убрать эти «сальные названия», свидетельствующие о болезненных ассоциациях нездорового Линнея. А вообще, – завершает свой пассаж автор, – мы перестали сильно стыдиться, когда англичане и все остальные упрямо проявляют внимание к этой старой книге [8, s. 69]. Смысл этого фрагмента заключается в том, что Линней остаётся крупнейшей фигурой в шведской науке, однако и он, и А. Нобель мало кого интересуют сегодня как учёные. Постмодернистская эпоха превратила шведских гениев – в силу их знаменитости – в лучшем случае в объект интеллектуального препарирования (роман «Сад» Магнуса Флорина), в худшем – в «медийных» «поп-звезд», героев жёлтой прессы.

Глава о знаменитой Ингрид Бергман построена на вычленинии из всей её кинематографической биографии самого неразумного с «общепринятой» точки зрения факта: шведская актриса, которой выпало счастье стать звездой Голливуда, переехала в Италию чтобы выйти замуж за сверхтемпераментного (в скобках – полусумасшедшего [8, s. 63]) режиссёра-неореалиста Роберто Росселини. По мнению автора, Соединённые Штаты Америки переживают этот шок до сих пор. Речь, конечно, идёт о том, что американская кинопромышленность не могла себе представить, что способен найтись кто-то, кто смог бы великому Голливуду противопоставить любовь к арт-хаусному режиссёру в безвестной Италии. И что это анекдотический поворот в судьбе Ингрид Бергман и есть самое интересное в её биографии.

Новый ракурс избран и для подачи темы о самой известной эстрадной группе Швеции «АББА». Читатель узнаёт, что «АББА» на самом деле никогда не существовала и поэтому никогда и не распадалась. Участники группы всего лишь записали пластинку с аббревиатурой своих имён на обложке, затем с ней же выпустили сингл. *А потом Бьёрн и Бенни занялись написаниями музыки. Когда они подняли глаза из-за своих инструментов, ни Агнеты, ни Фриды там уже не было* [8, s. 68].

Одним из оригинальных разделов книги является глава «Сексуальные знания». Эта тема свободно обсуждается в Швеции, поскольку она является составляющей частью большого «проекта» по исследованию личной идентичности и к нему проявляется максимальная толерантность. В этой части разговор начинается с того, что на самом деле во всём виноваты США. Именно они в 60-ые годы XX века сформировали представление о том, что Швеция – развращённая страна, так как в фильмах «Она танце-

вала одно лето» (1951) Арне Маттссона и «Лето с Моникой» (1953) Ингмара Бергмана впервые были показаны обнажённые тела сзади (sätet). В итоге путеводитель сообщает, что к середине 60-х годов на вопрос, что такое Швеция и с чем она ассоциируется, были получены следующие ответы: секс, самоубийство, грех, Ингмар Бергман, непристойность, алкоголизм, высокий уровень благосостояния [8, s. 135].

Калле Линд, однако, иронизирует и над самими шведами, потребителями разного рода культурных мифов. В частности, они часто не могут объяснить, в чём суть их знаменитых традиционных праздников Мидсоммар или Люсия, чем отличаются их религиозные конфессии или откуда берёт начало термин «демократия», трактуемый сейчас чрезвычайно широко и явно теряющий границы. Например, это понятие входит составной частью в названия таких разных в политическом отношении государств, как демократическая республика Корея (Северная Корея), демократическая Кампучия (Камбоджа), Германская демократическая республика и прочие. Усугубляет, по мысли Калле Линда, эту картину тот факт, что одна из партий Швеции тоже носит название «шведские демократы», однако их деятельность лишь окончательно размывает дефиницию.

Очевидно, что полемические книги Л. Стрёмквист и К. Линда призваны громко объявить, что в современном обществе Швеции уже есть проблемы, которые требуют разрешения. Относительно спокойная эпоха XX века завершена.

Стиль подачи материала также показателен. Помимо того, что сатира переходит из литературы в медиа, форма критики становится всё более жёсткой и «низовой», явно коммерциализируется. С другой стороны, подобные информационные платформы оказываются более свободными от официального контроля, чего нельзя сказать о литературе, к которой по традиции применяются более академические цензурные критерии. Система масс-медиа, наоборот, предоставляет сатирикам пространство для обличений в самых провокационных формах комического. Однако шведская сатира в плане техники придерживается своих традиционных приоритетов: гиперболизация определённых качеств, алогичная ситуация, стилистический контраст и визуальное шаржирование. По-прежнему не используется фантастический гротеск (всё по-прежнему принадлежит этой реальности), бедны языковые средства выразительности (никаких нонсенсов, парадоксов или комических сравнений), ничего уродующего фактуру человека в визуальных формах, поэтому предпочтительны приёмы шаржа, а не карикатуры.

Обращают на себя внимание названия книг. УЛ. Стрёмквист это обращение, призыв. На обложке изображён ребёнок, поднимающий руку, как первоклассник – чтобы его услышали. Но детский образ явно трактуется более объёмно, как глубинное «я» человека. Проблема широко изучается в Швеции, но чаще во имя демонстрации интереса к человеку, чем из искреннего чувства помочь ему разобраться в себе и мире, который он вокруг себя создаёт и который его нередко поглощает. К. Линд и вовсе написал про «Швецию для идиотов». Можно было бы провести аналогию с формулировкой «что-либо для чайников», однако автор использует многозначное слово «идиоты». С одной стороны, под этим могут пониматься потребители массово востребованных подробностей из жизни звёзд, т.е. читатели или туристы с невысоким уровнем образованности или примитивным мышлением.

С другой стороны, под названием «Швеция для идиотов» может подразумеваться само шведское общество, которое порождает и потребляет мифы, оставаясь наивным и даже юродивым. Напомним, что в Швеции очень популярны романы Ф.М. Достоевского, в том числе «Идиот», и хорошо известна авангардная картина «Идиоты» датского кинорежиссёра Л. Фон Триера. Как видим, понятие широко распространено в Скандинавии. Калле Линд тоже любит наивных мечтателей, но считает своим долгом указать современникам, что Швеция, конечно, чудесная страна, но она давно переживает экономический и психологический спад.

О том, что названные проблемы действительно серьёзны, что многие вещи вышли из-под контроля и повели страну в какую-то иную сторону, говорит и сам факт появления в последние несколько лет столь неоднозначных сатирических опусов, выявляющих острые углы и добавляющих гипербол для эффекта. Характерно, что сами тек-

сты говорят о высокой степени толерантности в обществе, но в то же время они являются приметой сдвига этической границы, уничтожения словесных и визуальных табу. Судя по реакции, в частности на книгу Л. Стрёмквист, не все в шведском обществе готовы принять такие формы борьбы с миражами и не все стремятся признать, что живут среди этих миражей и сами их приумножают.

Список литературы

1. Ekelund A.-S. Konsten att protestera. Om satir i litteraturen. Scripta minora № 23. Växjö: Högskolan i Växjö, 1994. 62 s.
2. Кобленкова Д.В. Шведская сатирическая проза XX века (к постановке проблемы) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.И. Добролюбова. Нижний Новгород, 2012, №20. С. 134–142.
3. Berglund S., Ljuslinder K. Humor som samhällsmoral. Svenskar och invandrare på den svenska TV-humorns arena. Lund: Studentlitteratur, 1999. 252 s.
4. Арнтсберг К.-У. Культурный релятивизм и множественность культур // Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности. Отв. ред. Т.А. Тоштендаль-Салычева. М.: РГГУ, 2008. С. 191.
5. Strömquist L. Jag till liv! Stockholm: Galago, 2011. 112 s.
6. Тоштенсен Л. Открытая лекция в рамках курса «levande litteratur». Malung: Malungs Folkhögskola, 2014.
7. Lindberg Y. Satiriska feministiska serier. Nina Hemmingsson och Liv Strömquist // TFL, 2014: 2. S. 83–99.
8. Sverige för idioter. Typ en lärobok av Kalle Lind. Malmö: Roos & Tegnér, 2014. 281 s.
9. Культтовары. Феномен массовой литературы. Сборник научных работ. СПб.: Петербургский институт печати, 2009. 334 с.

SWEDISH SATIRE OF THE XXI CENTURY: THEMES, POETICS, MORALITY

D.V. Koblenkova

The article deals with new trends in the Swedish satire, transforming into visual genres of comic series and literature non-fiction, which are part of the modern media. Analyzed threads subjected to critical reflection in the XXI century, among them: the neo-fascism, multiculturalism, the struggle of political parties, radical feminism, sexual minorities, parenting, cultural and political Americanization. In the course of cultural-historical and comparative-typological analysis shows the change of ethical principles and structural create satirical works. It is concluded that modern Swedish satire has changed dramatically compared to the previous stage, took the radical nature, has expanded the thematic scope to political and social issues going beyond the image of philistine stereotypes of consciousness. Comic book series by Liv Strömquist and satirical guide to Swedish history, culture and sport by Kalle Lind prove the fact of change satirical discourse from liberal to radical left, which indicates the presence of serious domestic problems and the new stage of self-reflection in the Swedish society of the XXI century.

Keywords: Swedish literature, satire, comic series, ethical canon, Liv Strömquist, Kalle Lind.

References

1. Ekelund A.-S. Konsten att protestera. Om satir i litteraturen. Scripta minora № 23. Växjö: Högskolan i Växjö, 1994. 62 s.
2. Koblenkova D.V. Shvedskaya satiricheskaya proza KhKh veka (k postanovke problemy) // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.I. Dobrolyubova. Nizhniy Novgorod, 2012, №20. С. 134–142.
3. Berglund S., Ljuslinder K. Humor som samhällsmoral. Svenskar och invandrare på den svenska TV-humorns arena. Lund: Studentlitteratur, 1999. 252 s.
4. Arnstberg K.-U. Kul'turnyy relyativizm i mnozhestvennost' kul'tur // Shvedy. Sushchnost' i metamorfozy identichnosti. Otv. red. T.A. Toshtendal'-Salycheva. M.: RGGU, 2008. S. 191.
5. Strömquist L. Jag till liv! Stockholm: Galago, 2011. 112 s.
6. Toshtensen L. Otkrytaya lektsiya v ramkakh kursa «levande litteratur». Malung: Malungs Folkhögskola, 2014.
7. Lindberg Y. Satiriska feministiska serier. Nina Hemmingsson och Liv Strömquist // TFL, 2014: 2. S. 83–99.
8. Sverige för idioter. Typ en lärobok av Kalle Lind. Malmö: Roos & Tegnér, 2014. 281 s.
9. Kul'tovary. Fenomen massovoy literatury. Sbornik nauchnykh rabot. SPb.: Peterburgskiy institut pechati, 2009. 334 s.